

Sergey SLONIMSKY The memoirs of school days

Сергей СЛОНИМСКИЙ Воспоминания школьных лет

Первое впечатление о школе, учителя

В школу я пришел после войны, во время войны был в эвакуации сначала в Пермской области, затем в Перми, позже учился в Москве в Центральной музыкальной школе. И вот с 1 сентября 1945 года я начал заниматься в Ленинградской десятилетке по классам композиции и фортепиано. По классу фортепиано мне посчастливилось поступить к великому педагогу Самарию Ильичу Савшинскому. Он был очень строгим и, прослушав мое крайне несовершенное исполнение, выделил исполнение Сонатины Кабалеvского, сказав: «Вот Прокофьева ты сыграл хорошо». Я пробормотал: «Это Кабалеvский». А Самарий Ильич ответил: «Похоже на Прокофьева». Это справедливое замечание, Сонатина Кабалеvского — хорошая, очень выгодная для исполнителей. Также Самарий Ильич отметил исполнение сонаты Гайдна F-dur, и я в дальнейшем играл ее на школьном вечере. Но вообще это, конечно, был замечательный учитель, который помимо тонких музыкантских вещей удивительно хорошо занимался техникой, что для меня было крайне трудно. Я всегда отставал в этом плане. Ассистентом у Савшинского была Александра Яковлевна Жуковская — прекрасный музыкант, добрая женщина и очень хороший педагог. Благодаря ей занятия по фортепиано шли очень активно. Я трудился больше, чем привык. В конце концов, закончил школу исполнением концертов Рубинштейна (№ 4) и Глазунова (№ 1), 17-й сонаты Бетховена и т.д. В общем, был подготовлен

The memoirs of Sergey Slonimsky, the composer and one of the first Secondary Special Music School graduates, tell us about his earlier period at school, the life of the school in the first post-war years, his teachers and friends and his first compositions that had been performed in those days.

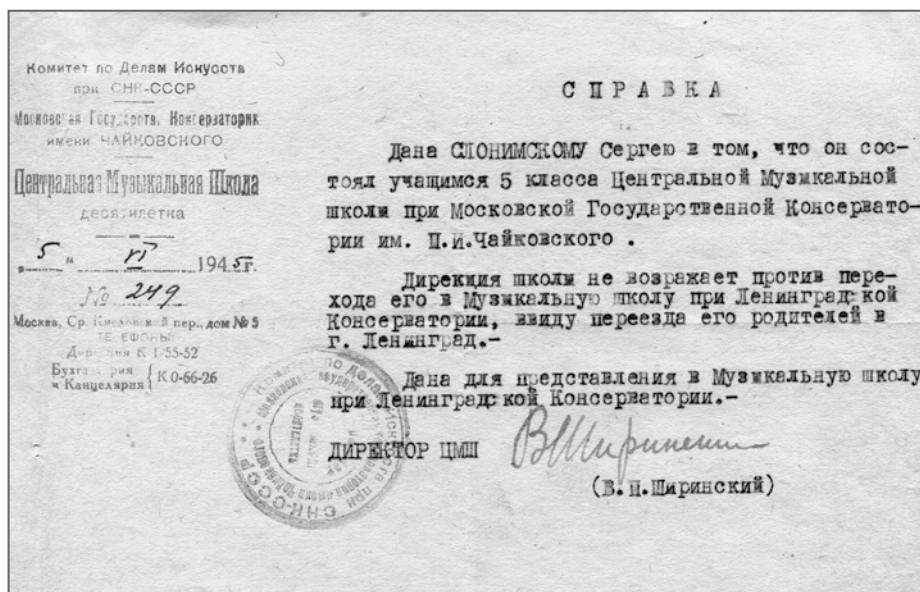
Keywords: S. M. Slonimsky, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, teachers, S. I. Savshinsky, V. V. Nilsen, B. A. Arapov, O. A. Evlahov, S. Ya. Volfenzon, M. V. Knajfel, A. L. Ostrovsky, I. E. Sherman, students, M. F. Ermler, Yu. M. Aranovich, A. I. Ikharev, V. M. Kurlin, T. A. Voronina.

Воспоминания одного из первых выпускников специальной музыкальной школы Ленинградской консерватории, композитора Сергея Михайловича Слонимского. Сергей Михайлович рассказывает о начале своих занятий в школе-десятилетке, о жизни школы в первые послевоенные годы, о преподавателях и друзьях, о сочинениях школьных лет и их исполнении.

Ключевые слова: С. М. Слонимский, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, преподаватели, С. И. Савшинский, В. В. Нильсен, Б. А. Арапов, О. А. Евлахов, С. Я. Вольфензон, М. В. Кнайфель, А. Л. Островский, И. Э. Шерман, ученики, М. Ф. Эрмлер, Ю. М. Аранович, А. И. Ихарев, В. М. Курлин, Т. А. Воронина.

к учебе в Консерватории. По назначению Павла Алексеевича Серебрякова (ректора) я попал в класс Владимира Владимировича Нильсена. Здесь мне тоже очень повезло — это был великий артист, замечательнейший пианист. Пианистические данные у меня были весьма ограничены, но Нильсен очень много дал мне как музыканту в целом.

Что касается композиции, то специально пригласили преподавать Бориса Александровича Арапова, великого педагога и музыканта. Он вел занятия у двоих — у меня и у Юры Черепнина (который в дальнейшем почему-то бросил композицию). Арапов сходу задал мне сюиту по русской сказке, и это было очень удачное задание. Я выбрал «Царевну-лягушку», сюита получилась. Впоследствии она даже была инструментована и исполнялась оркестром школы. Но в 1948 году мы все были подвергнуты совершенно зубодробительной критике: Постановление ЦК касалось не только мастеров (таких как Шостакович и Прокофьев), но фактически и молодых композиторов — у всех у нас искали так называемые «черты формализма». Арапов был отстранен от преподавания. К счастью, на место педагога композиции был приглашен Орест Александрович Евлахов — ученик Шостаковича, симфонист, музыкант с очень хорошим вкусом. Он был блокадник — ему доверяли. Наряду с этим, в школе вел композицию такой замечательный педагог, как Сергей Яковлевич Вольфензон, у которого фактически учились все, кроме меня. Надо сказать, что учил Вольфензон замечательно в самых разных стилях. Пи-

Справка, выданная С. Слонимскому в ЦМШ при Московской консерватории. 5 июня 1945 года

нист Аронов (сочинявший тогда квартет, затем и квинтет) писал в стиле Шостаковича, Прокофьева — современной по тем временам музыки. Марина Дранишникова была традиционалисткой, Александр Ихарев (замечательнейший пианист и талантливый молодой композитор) сочинял в стиле позднего Скрябина, Рахманинова. И всем этим руководил Сергей Яковлевич Вольфензон, технически безупречно, с огромным вкусом.

Музыкальную литературу вела супруга Бориса Александровича Арапова, Татьяна Павловна Тодорова, которую очень любили ученики. Она была ученицей Асафьева, обладала передовыми взглядами на симфонизм и современную музыку, великолепно анализировала оперы «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Кармен» и другие. Уроки музыкальной литературы были нами любимы. Мы играли в четыре руки Четвертую симфонию Шумана с Ихаревым, «Ромео и Джульетту» Чайковского с Матусовской и т. д.

Сольфеджио вела мать композитора Александра Кнайфеля Муза Вениаминовна Кнайфель. Она была отличным педагогом. Мы у нее пели романсы. Я почему-то особенно пристрастился к песням Мусоргского. Пел «Светик Савишну», «Детскую» и другие. Лирические романсы мне тогда были чужды. Как всякий подросток, я был диковат и несколько чурался лирики в вокальном исполнении. Зато характерный жанр меня привлекал. Хотя в музыке моей скорее все было наоборот.

Гармонию вел Сергей Яковлевич Вольфензон, уже упомянутый мной, а также Арон Львович Островский, великолепный знаток, который известен своими учебниками сольфеджио. Он прекрасно вел и гармонию, требовал певучести и самостоятельности каждого голоса.

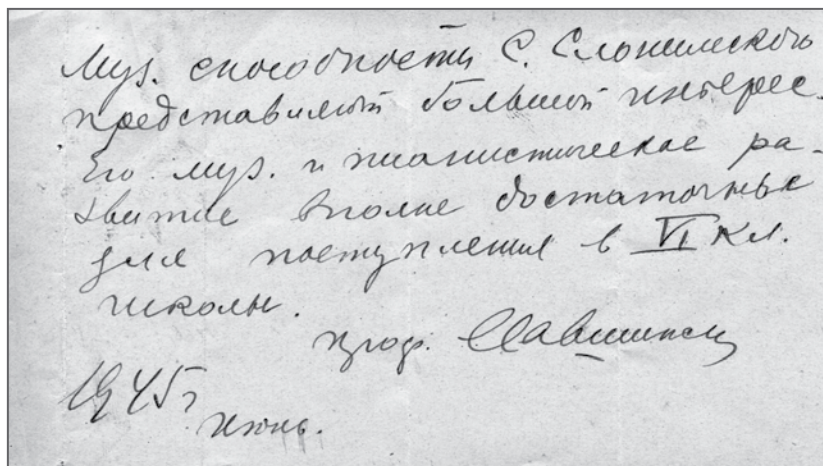
Вообще, педагоги по музыкальным дисциплинам в школе были очень сильные, но было немало ярких педагогов и по общеобразовательным предметам. Я бы

выделил Юлия Ароновича Мирского, преподавателя физики, который смог нам привить любовь к точным наукам. Я до сих пор помню закон Кулона, который впоследствии был, по-моему, видоизменен: «два точечных электрических заряда действуют друг на друга в пустоте» и так далее, а потом выяснилось, что пустоты-то и нет.

Хуже обстояло дело с преподаванием математики. Математику вела парторг школы Антонина Яковлевна, которая в 1946 году после постановления ЦК об Ахматовой и Зощенко выдумала, будто в классе есть «антиобщественная группа» во главе со Слонимским, которая мешает работе класса. Меня пересадили на другую парту — от Марка Эрмлера (сына лауреата Сталинской премии), на которого я, сын обруганного в Постановлении ЦК писателя, якобы дурно влиял. Нелли Наумовна Рабкина довольно живо и инициативно вела литературу, она дружила с некоторыми школьниками, принимала их дома, и это было хорошо. Она привила нам вкус и интерес к литературе, хотя взгляды, которые она проповедовала, были по тем временам неизбежно крайне консервативными.

О школьных друзьях

В классе самым талантливым музыкантом был Александр Ихарев. Он был старше нас всех на несколько лет. Биография его пребывала в тени, он несколько лет провел в оккупации, что считалось большим преступлением, затем попал в интернат. По происхождению он был наполовину поляк — совершенно замечательный музыкант романтического плана, который великолепно играл Шопена, Скрябина, Рахманинова. Он занимался на каждой перемене, привил нам вкус к проникновенной, певучей игре на фортепиано. Поскольку он тоже

Характеристика С. Слонимского, написанная
С. И. Савшинским. Июнь 1945 года

сочинял, то оказался, пожалуй, самым близким мне музыкантом в классе. Еще одним близким мне человеком стал мой сосед по парте Марк Эрмлер — умный и профессиональный музыкант, в дальнейшем очень успешно работавший в Большом театре, где мы с ним впоследствии встречались. Он был старостой, и когда эту «антиобщественную группу» подвергли критике, в том числе Эрмлера, Арановича, Гельфанда — нескольких наиболее успешно учившихся студентов, то Эрмлер возглавил контратаку, разоблачил мнимого «пролетария», к которому меня пересадили за парту для перевоспитания (как вора, плагиатора, так как тот списывал у меня все задания), и добился даже его исключения из школы. Смелые были ребята!

Я был дружен и часто общался с Юрием Арановичем, который впоследствии стал известным дирижером, очень много лет руководил Ярославским симфоническим оркестром, а после уехал в Израиль. Аранович был не очень большим любителем современной музыки, но тонким музыкантом (тогда он учился по классу скрипки). Я его гонял по симфониям Бетховена, причем по наивности своей по клавирам, а он учил партитуры, ему было труднее, чем мне. Конечно, он был талантливым музыкантом. Хорошим пианистом был Яков Гельфанд, мой соученик по классу Савшинского, умный, основательный, очень добросовестный пианист с прекрасной техникой, который впоследствии, как и я, был зачислен в класс Нильсена. Также я дружил с ныне здравствующим фаготистом Олегом Талыпиным — он уже тогда был прекрасным музыкантом. В дальнейшем он стал первым фаготистом в оркестре Мравинского. Выдающимся гобоистом и моим другом был ныне покойный Владимир Курлин, который впоследствии вошел в квинтет, организованный Виталием Буяновским, — этот квинтет играл преимущественно современную музыку и вместе с балетмейстером Алексидзе проводил инструментально-балетные вечера в Малом зале Филармонии. Курлин обладал изумительным певучим звуком. Он стремился освоить и современную технику, в частности игру четвертитонами (это было позже). Уже тогда он был пытливым музыкантом, несколько насмешливо отзывался

о стиле «russe», который нам тогда прививали, и говорил: «Хватит писать в стиле русской музыки XIX века, давай что-нибудь поинтересней». И по его просьбе я позже, в 1957 году, написал острую бурлеску для гобоя, которую он так здорово сыграл в Москве на конкурсе, посвященном Фестивалю молодежи, что получил первую премию. Очень талантливый, яркий музыкант. Прекрасным человеком был Александр Соколов, фаготист. С ним мы тоже долгие годы дружили (он двоюродный брат Григория Соколова).

В общем, друзей в классе было довольно много, чего я не могу сказать о классе девочек. Тогда было раздельное обучение по классам внутри школы. Девочками я совершенно не интересовался и практически ни с кем из них не дружил. Хотя с Татьяной Александровной Ворониной я был знаком еще со времени обучения в ЦМШ в Москве, и мы как коллеги иногда обменивались музыкальными новинками. Она училась у Вольфензона, а я у Арапова. Кроме того Воронина училась у Жуковской, а я у Савшинского, поэтому где-то близко общались. Воронина стала талантливым композитором и пианисткой. В последнем классе я творчески дружил с талантливой скрипачкой Диной Шнейдерман, она играла мою довольно свежую Сонату.

Помимо нашего класса у меня были друзья и в старших классах. Это, прежде всего, Аркадий Аронов, который впоследствии стал великолепным пианистом и играл мою фортепианную сонату на премьерке. Сейчас он преподает в Джульярдской школе в Америке, я с ним виделся там, он очень успешный педагог. Дружил с Анатолием Никитиным, виолончелистом, и с Юрием Крамаровым, замечательным альтистом, который впоследствии играл мои пьесы, специально для него написанные, и тоже получил первую премию на конкурсе-фестивале в Москве.

О шалостях и проделках

Их было много. Мы были достаточно глупы, хотя эти шалости, особенно после истории с постановлением

ЦК о Зощенко и Ахматовой, были фактически запрещены, потому что считалось, что все наши шалости — это дурное влияние рассказов Зощенко. Я вообще-то отличался некоторой шаловливостью, и уборщица называла меня «Скаленные зубы», потому что я часто улыбался. А рояль она называла «Большой балалайкой». Мы придумывали какие-то глупые игры. Иногда я вместе со скрипачом Мишей Даурским, который тоже принадлежал к числу моих друзей, просовывал ногу в класс, где занимался Юлий Аронович Мирский с девочками, и помахивал ногой «в знак приветствия», потом мы прятались в уборной. Но Юлий Аронович нас нашел, по цвету брюк определил виновника, спокойно сказав: «От вас не ожидал, совсем не ожидал», — это было гораздо более действенно, чем любая нотация и наказание. Больше я себе такого не позволял. Иногда мы устраивали глупейшую церемонию: я клал руки на плечи идущему впереди, откидывал голову назад, на мои руки клалась простыня, и «похоронное шествие» двигалось по всей школе. Очень глупая затея, некоторые педагоги в ужасе вскрикивали, потому что принимали это за правду. Играли в футбол тряпочкой в классе, что тоже очень глупо. Конечно, играли и во дворе. Однажды один из наших учеников поставил чернильницу на перекладину стула преподавателю географии Фишману, который вылил эту чернильницу себе на брюки. Он воскликнул: «Вы компенсируете мне эти штаны!» Был разбор всей этой истории в дирекции, причем всем за это досталось, в том числе и мне как старосте. Хотя директор меня защитил, некстати заявив: «Слонимский написал кантату о Сталине, это очень хорошо!». На самом деле мне ее задал Евлахов, но кантата у меня совершенно не получилась. Вышел некий тюремный гимн. Хвалить псевдокантату было не за что, сочинение даже не дошло до исполнения.

Да, очень много шутили, очень много шалили. Даже почтенного Арона Львовича Островского на первой встрече мы терроризировали тем, что исчезли, спрятались, он вошел в пустой класс и вышел расстроенный, спрашивая: «Что же такое делается? Ведь я написал о вас статью, что когда вы будете кончать школу, вы будете замечательными музыкантами, и вдруг вы так себя ведете!». Вот такое глупое отрочество.

Но, конечно, никаких шалостей не было и в помине в классе по роялю у Савшинского, которого мы боялись как огня. Более подробно об этом всем, если кого-то заинтересует, можно прочитать в моей книге, которая называется «Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе». Там несколько глав посвящено школе-десятилетке: «Пришел, покушал и ушел», «Сын обруганного в постановлении ЦК», «Продолжатель дела Шостаковича», «Доклад о Шопене» и т. д.

Самые яркие профессиональные воспоминания школьных лет

В школе, прежде всего, был замечательный школьный оркестр, которым заведовал и дирижировал Исай Эзрович Шерман, — он великолепно ко мне относился и руководил моим музыкальным образованием. Концерты этого оркестра, в том числе исполнение Серенады Чайковского, Классической симфонии Прокофьева, а после 1948 года — Скрипичного концерта Кабалевского, где солировала Дина Шнейдерман, исполнение концертов Шопена Ихаревым с оркестром, — это были очень яркие впечатления, самые яркие. Ну и потом, игра некоторых солистов — Ихарева, пианиста Маргулиса, гобоиста Курлина, скрипачей Гутникова, Шнейдерман, Либермана, Комиссарова, виолончелиста Никитина. Это были уроки настоящего профессионального мастерства. Также среди школьных будней выделялся конкурс на лучшее исполнение романса. Большинство выбрало лирические романсы Чайковского и Рахманинова, а я — «Детскую» Мусоргского, которая была повзрослевшим подросткам неинтересна в первую очередь из-за текста. Как я уже описал, наиболее ярким впечатлением прежде всего были уроки педагогов.

Сейчас несколько «захирело» композиторское отделение (я не знаю почему) — так же как и в училище. В сороковые годы и школа, и училище отличались чрезвычайно интенсивной работой в классах композиции, в училище вообще преподавание было на уровне лучших консерваторий мира. И, соответственно, нынешние члены Союза композиторов — в большинстве своем бывшие воспитанники училища и нашей школы. То, что в этих учебных музыкальных заведениях сейчас как-то понизился интерес к композиторской специальности у учащихся и педагогов, мне кажется временным нежелательным явлением. Сейчас в основном в консерваторские композиторские классы поступают люди из провинции.

Исполнительская жизнь в школе-десятилетке была ключом и тогда и сейчас. Безусловно, представители каждого музыкального инструмента по-хорошему соревновались друг с другом и в художественном и в техническом отношении. Себя я могу упрекнуть в том, что недостаточно пользовался возможностью изучить каждый оркестровый инструмент, находясь в классе с оркестрантами. Я занимался пианизмом, считая себя будущим пианистом. Очень хорошо, что музыканты разных специальностей учились в одном классе. Не случайно и мои лучшие работы школьных лет — скрипичную сонату, ту же сюиту «Царевна-лягушка» — играли мои школьные товарищи: Дина Шнейдерман, оркестранты школьного оркестра. Это были первые незабываемые авторские воспоминания.

Записал А. А. Логунов